
КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-142-156](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-142-156)

МЕСТА-ПАЛИМПСЕСТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ИХ НАЗВАНИЯ

К. Яник-Борецка

Институт русского и украинского языков Университета
им. Адама Мицкевича в Познани (Польша)
katarzyna.janik-borecka@amu.edu.pl

В статье рассматривается вопрос мест-палимпсестов в современной ономастике. Целью исследования является продемонстрировать некоторые онимы (прежде всего экклезионимов) Санкт-Петербурга как палимпсестов городского ономастикона. Актуальность исследования обусловлена заметным в последнее время интересом к названиям мест религиозного культа. Для правильного понимания проблемы в начале статьи представлена дефиниция экклезионима, предложенная Н. В. Подольской. Также представлена метафора палимпсеста в современной науке, встречающаяся чаще всего в контексте городской и культурной географии. С недавних пор для её обозначения исследователи используют термин место-палимпсест, который указывает на то, что-то или иное городское пространство включает в себя элементы разных эпох и культур. В статье представлен новый подход к изучению онимов как текстов. Приводятся также примеры работ Малгожаты Руткевич-Ханчевской и Божены Хрынкевич-Адамских, активно работающих над интертекстуализацией имён собственных.

В последующей части статьи делается разбор истории названия города Санкт-Петербурга. Город несколько раз менял своё название, словно палимпсест стирая предыдущее. Важной частью статьи является предложенная нами дефиниция онима-палимпсеста, являющегося многослойным названием, впитывающим разные значения и контексты. Ввиду этого оним-палимпсест не только называет объект, но и является носителем памяти об упразднённых объектах. В выводах указывается на то, что онимы-палимпсесты могут быть годонимами, агоронимами или хрематонимами. Часто в наши дни нет и следа храма, но о нём напоминает оним-палимпсест. Статья может послужить стимулом для дальнейших исследований онимии города. Объектами анализа могут стать оним-палимпсесты, относящиеся не только к православным храмам, но также к местам культа других конфессий. Кроме того, исследования можно экстраполировать на города и

Для цитирования:

Яник-Борецка К. Места-палимпсесты Санкт-Петербурга и их названия // *Urbis et Orbis. Микрoистория и семиотика города*. 2022. № 1 (2). С. 142-156.
DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-142-156](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-142-156)

For citation:

Janik-borecka K. Places-Palimpsests of Saint Petersburg and Their Names. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2022. 1 (2). P. 142-156.
DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-142-156](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-142-156)

даже страны бывшего советского блока. Такая работа могла бы указать различия и сходства в стирании онимов-палимпсестов в разных городах и странах.

Ключевые слова: ономастикон Санкт-Петербурга, экклезионим, переименование города, место-палимпсест, оним-палимпсест.

PLACES-PALIMPSESTS OF SAINT PETERSBURG AND THEIR NAMES

Katarzyna Janik-Borecka

Institute of Russian and Ukrainian Studies after Adam Mickiewicz University,
Poznań (Poland)

katarzyna.janik-borecka@amu.edu.pl

The paper deals with the issue of places-palimpsests in modern onomastics. Our goal is to present some onyms (especially temples' names) of Saint-Petersburg as palimpsests of the urban onomasticon. The research seems very timely due to the increased interest in sacred objects. The article will begin with an explanation of the definition of the temples', which was proposed by N.V. Podolskaya. In Russian-language works, the term ecclesionim is used. However, it is not popular in other works. Later, the palimpsest metaphor will be explained and introduced. A palimpsest is a type of writing superimposed over an old text that has been partially worn out. Interestingly, after some time, the old text starts to show through the new one. This metaphor is actively used in geographical science, but not in onomastic research. It is important to point out that the palimpsest has many layers and contexts. The article presents a new approach to the study of onyms as texts. The latest works in the field of intertextuality of proper names are also cited. It is mainly about works by Bożena Hryniewicz-Adamskich and Małgorzata Rutkiewicz-Hanczewska. In what follows part of the article, attention is drawn to the history of the name of the city of St. Petersburg. The city changed its name several times, erasing the previous one as if it were a palimpsest. The most essential part of the article is our definition of onym-palimpsest. In our opinion, it is a multi-layered name that contains various contexts and meanings. Next, we present many examples of such names in Saint-Petersburg. This article can be used for further research on urbanonymy. One could analyze not only Orthodox onyms-palimpsest but also other denominations. The research can also be extended to other cities or entire countries of the former USSR.

Keywords: onomasticon of Saint Petersburg, temple name, city renaming, place-palimpsest, onym-palimpsest.

*Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали Греческую церковь,
дабы построить на свободном месте
концертный зал. В такой архитектуре
есть что-то безнадежное. А, впрочем,
концертный зал на тыщу с лишним мест
не так уж безнадежен: это — храм,
и храм искусства. Кто же виноват,
что мастерство вокальное дает
сбор больший, чем знамена веры?
Жаль только, что теперь издалека
мы будем видеть не нормальный купол,
а безобразно плоскую черту.
[...]*

Иосиф Бродский
Остановка в пустыне
1966

Введение

Ономастикон любого современного города рассказывает историю прошлого. Сегодняшние наименования улиц, площадей, переулков и зданий скрывают тайны, которые нередко понятны лишь специалистам — историкам, картографам, а также лингвистам. Целью настоящей статьи является представление некоторых онимов (в том числе экклезионимов) Петербурга как палимпсестов городского ономастикона. Такой подход в изучении урбанонимии можно назвать инновационным, но он опирается на предыдущих исследованиях топонимии, антропонимии, а также гуманитарной географии. Сначала будут представлены ономастические термины, касающиеся наименований храмов, а также других объектов религиозного культа. Затем будет представлена метафора места-палимпсеста в современной науке, а также будет описан современный подход к изучению имени собственного как текста. Главная часть статьи — это толкование термина оним-палимпсест и примеры таких названий в ономастиконе современного Петербурга. Актуальность настоящих исследований оправдывается повышенным интересом к религии, который можно наблюдать после падения коммунизма. Советская власть свыше семидесяти лет относилась к православию с пренебрежением, уничтожая церкви, монастыри и часовни. Этот процесс тронул Санкт-Петербург, являющийся колыбелью Октябрьской революции. События 1917-ого, а также их последствия не могли не оставить след на карте города. В связи со всем вышесказанным, наша задача — представить роль мест-палимпсестов в ономастиконе сегодняшнего Петербурга.

Экклезионим и экклезионимика в ономастических исследованиях

В настоящей статье большое внимание уделено названиям храмов — экклезионимам. Первое и до сих пор единственное толкование термина экклезионим дала Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии»: «ЭККЛЕЗИОНИМ — Класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, отдельно стоящего алтаря, священного камня, источника, дерева» [Подольская 1988, 164]. Все ономастические работы позднее опираются на эту дефиницию, её активно используют белорусские, украинские и русские лингвисты.

В последние десятилетия обнаруживается повышенный интерес к изучению онимии сакральных объектов. Анализу названий храмов посвящены труды таких учёных, как Е. П. Аринина, И. В. Бугаева, О. А. Борисевич, Г. И. Лазаренко, О. А. Лукина. На значимость экклезионимов обращала внимание уже в 1985 году А. В. Суперанская, замечая в своём труде «Что такое топонимика» следующее: «Особую категорию имён с комплексными объектами представляют названия церквей, монастырей, часовен, алтарей. Они не могут быть включены ни в урбанонимию, ни в микротопонимию, ни в именованья коллективов или праздников из-за изменчивости границ своего применения. Они обозначают или обозначали не только здания, в которых располагается церковь или монастырь, но в определённые эпохи относились и к людям, живущим или служащим там, и к крестьянам деревень, приписанных к монастырям, и к землям, принадлежавшим им. Ввиду комплексности обозначаемого объекта названия этого типа в своём последующем развитии становились основами и топонимов, и антропонимов» [Суперанская 1985, 196].

В последние годы в ономастических работах начал появляться новый термин — *экклезионимика*. Его активно употребляет О. А. Лукина в своих статьях. Новый термин был создан по аналогии с *топонимикой* — наукой о топонимах, или *урбанонимикой* — наукой об урбанонимах и обозначает область ономастики, изучающую названия сакральных объектов [Лукина 2018, 114].

Метафора места-палимпсеста в современной науке

В 1980 годы в американской научной литературе возник интерес к «новой культурной географии», а также к её междисциплинарной отрасли — «гуманитарной географии». Гуманисты начали изучать географию города, в результате чего зарождается понимание и чтение «ландшафта как текста». В этом подходе особое значение обрело место, но имеется в виду «Место» с прописной буквы. Генерируя ассоциации, пространство превращается в «Место». Как полагает Иван Митин, место — это часть пространства, наделённая человеком множественными значениями. Любое место может приобретать новые смыслы. Ни одно место в городе и связанный с ним миф не является окончательным. Каждое пространство бесконечно интерпретируется, переосмысливается и получает новые значения [Митин 2008, 21–23].

В свою очередь, палимпсест — это древняя рукопись (на пергаменте), в которой новый текст был создан на старом, частично стёртом. Очень часто спустя некоторое время старый текст начинал проступать сквозь новый. Термин *палимпсест* уже давно функционирует в таких областях как: гуманитарные науки, археология, архитектура. Физико-географы замечают, что ландшафт напоминает палимпсест, потому что «предыдущие явления или следы процессов оставили отпечатки в ландшафте, а более старые слои в большинстве случаев менее отчётливы или менее заметны, чем более молодые» [Котас 2009, 203]. Несмотря на всё вышесказанное, Сергей Басик подчёркивает, что фактически отсутствуют работы концептуальной модели палимпсеста в геотопонимических работах. Учёный добавляет, что «топоним может и должен рассматриваться в модели *место как палимпсест*, как вербальное отображение геокультурного пространства» [Басик 2018, 3]. Далее Басик обращает внимание, что «ономасты говорят о топонимии как о палимпсесте, где записана коллективная память всех предыдущих обитателей данного места (...). Топонимический палимпсест также является многослойным, как и геокультурное пространство в целом, и состоит из разных фрагментов и измерений текста, часто в пределах даже одного слоя» [Басик 2018, 5].

В идее места-палимпсеста весомую роль играют пласты (слои). На каждый новый пласт воздействует предыдущий, стирая границу между ними. В этих слоях хранятся элементы различных эпох и культур, создавая своего рода интертекст. В своей статье «Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии» Иван Митин наблюдает следующее: «В основе мифогеографической модели палимпсеста — представление о множественности интерпретаций каждого места. В процессе бесконечного семиозиса пространственных мифов (бесконечной интерпретации, описании, анализе представлений) создаётся множество реальностей одного места. Происходит семиотическое переосмысление (новое озвучивание) свойств места и/или его уже созданных интерпретаций при сохранении прежних» [Митин 2014, 149]. Одно и то же место получает несколько значений (контекстов). Каждый из них это материальные элементы (ландшафт), культурно-географическая характеристика места, а также пространственное представление (миф или географический образ) [Митин 2014, 150].

Подобный подход к изучению места идеально вписывается в исследования топонимии, потому что место обитания человека накапливает в себя многие значения, концепты и ассоциации. Часто топонимы являются единственными свидетелями прошлого этой территории, так как бывает, что топонимы мотивируются словами из мёртвых языков. Таким образом, память о прошлом вписывается в наименование места, создавая своего рода ономастический текст.

Имя собственное как текст в современных ономастических исследованиях

За последние годы широкое распространение получил подход к изучению онимов как текстов. В этой области активно работают польские языковеды, которые уже успели выработать методологию таких исследований. Божена Хрынкевич-Адамских в своей статье «Восточнославянские топонимы, мотивированные

антропонимами и их функции (диахронический подход)» замечает, что формированию и существованию городов сопутствовали символические смыслы, которые являются составляющей текста города [Hryniewicz-Adamskich 2015, 241]. Эту мысль значительно развивает профессор Малгожата Руткевич-Ханчевска в монографии «Онимическая генеалогия. Имя собственное в мотивационно-коммуникативном пространстве» [Rutkiewicz-Hanczewska 2013]. Исследовательница констатирует, что существуют два способа понимания имён собственных: как единица, выступающая в тексте или единица, являющаяся текстом сама по себе. Во втором случае имеется дело с *минимальным текстом*. Добавим также, что для имён собственных характерна коммуникативность и полная достаточность. Существование онимов в текстологическом контексте касается трёх разных пространств, т. е. образования, существования и восприятия. Имя собственное начинает выполнять функцию текста, только в момент использования, когда овладеет денотативной функцией. Руткевич-Ханчевска замечает, что понятие онимического текста является функционально абстрактным явлением, находящимся между созданием названия (претекст) и его использованием (подтекст). По мнению Руткевич-Ханчевской, это и есть суть онимичности, чистой денотацией [Rutkiewicz-Hanczewska 2013, 35].

В статье Божены Хрынкевич-Адамских «О некоторых аспектах проприальной интертекстуализации в свете новейших исследований» рассматривается проблема статуса имён собственных в современном языкознании. Исследовательница наблюдает следующее: «В XX столетии образование интертекстуальных названий стало очень частой практикой. Интертекстуализация является относительно несложным способом производства онимов. Один онимический знак может быть многократно использован в разных функциях [...]» [Хрынкевич-Адамских 2018, 296]. В работе приводятся также ряд примеров, касающихся сакральной онимии, которые хорошо представляют идею онимов-палимпсестов.

В связи со всем вышесказанным можем воспринимать онимы как тексты, поэтому оправданным, кажется, использование метафоры палимпсеста для наших исследований. Очевидно, что имя собственное может впитывать в себя другие смыслы и значения, поэтому можно говорить о нём как об интертексте.

Санкт-Петербург – город-палимпсест

Санкт-Петербург неоднократно был свидетелем исторически важных событий. Различные волны проходили сквозь город, оставляя свои следы. Это место на северо-западе России несколько раз меняло своё название, в зависимости от текущей политики. Как констатирует Е. А. Терентьев «Переименование географических объектов является распространённой практикой в обществах, переживающих радикальные социокультурные трансформации. Так, за последние полвека наиболее масштабные волны топонимических чисток отмечаются в постколониальных и постсоциалистических странах» [Терентьев 2015, 73]. Такая концепция подходит к ситуации Петербурга, который является городом политических и социальных революций. Город «родился» в 1703 году по указу царя

Петра I. Название новой крепости на Заячьем острове — Санкт-Питер-Бурх — распространилось на всю местность. Изменение имело место уже в 1720-х годах, когда начинают использовать название Санкт-Петербург. Первое переименование было непосредственно связано с антинемецкими настроениями и произошло в 1914 году. С того времени по указу императора Николая II Петербург стал Петроградом. Лишь спустя одну декаду город опять меняет название. После смерти В. И. Ленина в начале 1924 года II Съезд Советов Союза ССР принял решение о переименовании Санкт-Петербурга в Ленинград. В свою очередь, после распада СССР ленинградцы в ходе опроса решили вернуть городу его дореволюционное название. В результате чего, с 1991 года на карте мира вновь появляется Санкт-Петербург.

Судьба изменений названия Петербурга может свидетельствовать о его роли в политической стратегии государства. Будучи элементом символического и историко-политического пространства, каждое новое название несло другие ассоциации и дискурсы. Вследствие того, топонимические практики можно считать инструментом в политике государства, а каждое новое название — следующим пластом, покрывающим предыдущий будто палимпсест.

Новый город-крепость, который создавался среди болот, на земле, отвоёванной у шведов, должен получить особое символическое название. Император Пётр I выбирая название Санкт-Питер-Бурх (позднее Санкт-Петербург), преднамеренно покровителем города выбрал своего тезку — святого Петра. Ввиду этого, неизбежны ассоциации с Римом. Статья Бориса Успенского «Семиотика истории. Семиотика культуры. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого» сравнивает гербы Ватикана (наследника традиции Рима) и Города на Неве. Учёный заостряет своё внимание на двух якорях в гербе Петербурга, которые напоминают ватиканские ключи. Вдобавок к этому, особенное значение получает культ апостолов Петра и Павла. Именно им посвящён собор Петропавловской крепости, который по раннему плану должен быть центром города. Невозможно здесь не увидеть ссылки на собор Святого Петра в Риме [Лотман, Успенский 1982, on-line]. Первый слой, нанесённый вместе с названием Санкт-Петербург, ассоциируется с Римом и святым Петром, а также одновременно — императором Петром I.

Название Санкт-Петербург, установлено императором, без препятствий существовало до начала Первой мировой войны. Актом от 18 (31) августа 1914 года немецкое название было заменено русским — Петроград. Параллельно поменялся также смысл топонима. С того времени город был назван только в честь Петра I, а не в честь апостола [Поспелов 1993, 128]. Кроме того, новое русское имя города могло являться элементом государственной антинемецкой политики. Предыдущее (немецкое по происхождению) название столицы Российской Империи исполняло настолько важную роль, что принято решение о его изменении. Это событие можно считать первым стиранием старого «слоя» и наложением на него нового.

Следующее название Города на Неве связано с советским прошлым страны и до сих пор порождает дискуссии. Как полагают К. В. Демьянов и В. Г. Рыженко: «Именно XX в. стал временем невиданной доселе по своим масштабам практики переименования географических объектов. Как раз в советскую эпоху власть стала

широко применять этот инструмент конструирования общественного сознания для формирования нового символического пространства» [Демьянов, Рыженко 2017, 154]. Ввиду того, уже в 1918 году возникли первые политические топонимы, так, например, в московской губернии появился город Ленинск. Такие названия отражали советскую идеологию и были проявлением «культа личности». На топонимический пьедестал возвели, прежде всего В. И. Ленина, И. В. Сталина, а также С. М. Кирова. На карте СССР начало появляться всё больше и больше идеологически «правильных» топонимов. Для наших исследований важным является изменение, имевшее место в 1924 году. С того времени на карте Европы появился Ленинград, который существовал почти 70 лет. Советская власть, переименовав город, хотела избавиться от царского наследия, которое являлось неприемлемым для новой социалистической действительности. «Стирая» старое название, партия старалась принудить обществу новый строй и уничтожить всё минувшее.

Ленинград является городом-героем, а его название ассоциируется с самоотверженностью, а также мужеством россиян. Ленинградцы известны во всём мире настойчивостью, проявленной во время блокады города. В статье И. Н. Денисова «Город-герой Ленинград: история превращения в Санкт-Петербург» даётся следующее сравнение: «Если Петербург был известен в мире как центр науки и культуры, то Ленинград, ничуть не уступив прежним традициям, прославился как город-защитник своей родины» [Денисов 2012, 126]. Такое сопоставление двух абсолютно разных мифов об одном, и том же городе появляется неоднократно. В сознании россиян (а также людей других национальностей) Санкт-Петербург ассоциируется с литературой и искусством. Ведь, это город известнейших русских писателей — Достоевского и Пушкина. В свою очередь, Ленинград является колыбелью Октябрьской революции, город с пришвартованным крейсером Аврора у набережной. Советская власть принимала решения о переименовании некоторых улиц. Для коммунистического мировоззрения недопустимыми являлись названия, относящиеся к православной церкви. Итак, с карт города исчезли, например, *1–10 Рождественские улицы*, которые были переименованы на *1–10 Советские улицы*.

Первые идеи возвращения первого названия появляются ещё во время перестройки. Однако решение об изменении названия было принято путём городского референдума, в котором 54% горожан поддержало эту идею [Терентьев 2015, 77]. Возвращение городу его прежнего названия стало одним из символов десоветизации российского общества. После этого события можно наблюдать ряд других изменений, которые способствовали «десоветизации топонимии» или «топонимическим чисткам». Как замечает Е. А. Терентьев: «Вслед за этим в городе прокатилась волна «топонимических чисток»: на карту города были возвращены несколько десятков дореволюционных названий. В частности, были восстановлены такие названия, как *Большой Сампсониевский проспект* (бывший проспект *Карла Маркса*), *Сенная площадь* (*площадь Мира*), *Каменоостровский проспект* (*проспект Кирова*), *Гороховая улица* (*улица Дзержинского*) и др.» [Терентьев 2015, 77].

Вышеуказанные действия показывают, что параллельно с падением советской власти и демократизацией государства, власть и граждане хотели «избавиться» от коммунистического прошлого. Топонимы считались инструментом пропаганды, навязывающей политически «правильные» коннотации. Советские топонимы – это не только названия, но также и их коммеморативные составляющие: имена, символы, события [Терентьев 2015, 79]. По этой причине, общественные деятели и члены религиозных общин стремятся восстановить старые дореволюционные названия, а также возвести здания, разрушенных коммунистами храмов. За последние 30 лет можно наблюдать «стирание» советского слоя в тексте Северной столицы. В Санкт-Петербурге появляются объекты религиозного культа, а также таблички с предыдущими названиями улиц, проспектов и площадей. Этот процесс всё время остаётся активным, так как в российском пространстве до сих пор бытует ряд «советских топонимов». К примеру, в настоящее время каждый петербуржец может направить в Топонимическую комиссию города свою инициативу о присвоении наименования. Достаточно отправить информацию о расположении объекта, предлагаемое название и обоснование.

Храмы в ландшафте города

В христианских странах храм выполнял различные функции. Был не только местом религиозного культа, но также главенствовал над городом, являясь приметным пунктом ландшафта. В первые века христианства храмы строились на холмах, в хорошо видимых местах. Ввиду этого, храмы стали координатой пространства, а горожане начали ориентироваться на них. Улицы, переулки, площади получали свои названия от церквей и соборов. Золотые купола и колокольни на долгие годы вписались в ландшафты городов и посёлков. Однако, с приходом коммунистической власти начинаются разрушения мест культа, партия превращает святые места в объекты гражданского предназначения, или разрушает их. Такой процесс описывает Сергей Романюк в книге «Москва утраты», изданной уже в 1992 году.

Этот труд является одним из немногих, описывающим утраченные памятники истории и архитектуры. Во введении автор замечает следующее: «Нашлись коммунистические Иваны-не-помнящие-родства. Наши руководители сразу же после того, как они сбежали из Петрограда, в котором не чувствовали себя в безопасности, спрятались в Москве за высокими кремлёвскими стенами. Так они, неподотчётные никому, устраивали себе гнёздышко по своему вкусу: круша кремлёвские постройки, древние монастыри и церкви, они строили вместо них конторы, залы заседаний, столовые, уборные. Именно они, кремлёвские властители, отгородившись от собственного народа, охраняемые вооружёнными до зубов чекистами, отдавали приказы сносить с лица земли чудеса русской архитектуры. Именно они, властители страны, распорядились сначала закрыть, а потом снести уважаемые всеми кремлёвские святыни — монастыри и церкви» [Романюк 1992, 5].

Яркое описание поведения советской власти в Москве, показывает подход коммунистов к традиции и культуре. В советское время партия пыталась уничтожить всё то, что связывалось с прежним строем и религией, так как в новом государстве не было для этого места. Экклезионимы стираются также из ономастикона Ленинграда, однако этот процесс не возникал в равной мере и степени. Специалисты выделяют три главных периода репрессий и борьбы с церковью. Первый этап имел место в 1918–1920 гг., во время Гражданской войны. Второй период – это 30-е годы, когда было разрушено огромное количество церковных зданий. Третий этап совпадает со временем владения Хрущёва, который объявил, что страна продолжает быть атеистической. В тот момент уничтожают старинные храмы, выдержавшие Великую Отечественную войну и представляющие собой высочайшее архитектурное мастерство [Гусаров 2014, 4–5]. В дальнейшей части статьи обратим внимание на онимы-палимпсесты, относящиеся к объектам культа, находившимся в Санкт-Петербурге.

Онимы-палимпсесты Санкт-Петербурга

На основании вышесказанного, можно предположить, что оним-палимпсест является многослойным названием, впитывающим в себя различные контексты. Этот тип онима относится к упразднённым объектам, после которых нет материальных следов. Память о предыдущих объектах хранится лишь в ониме-палимпсесте. Именно, память о старом объекте играет значительную роль. Оним-палимпсест не только называет, но является носителем памяти о местах. Этот тип онима играет значительную роль в сакральной урбанонимии, так как часто относится названиям объектов религиозного культа, т. е. экклезионимам.

К сожалению, названия многих православных храмов Петербурга исчезли с карты города навсегда. Антицерковная политика большевиков была настолько сильной, что не осталось никаких остатков многих объектов культа. С другой стороны, некоторые экклезионим оставили свой след в сегодняшней урбанонимии. Для подтверждения этого приведём названия из ономастикона Санкт-Петербурга.

Первым примером может послужить экклезионим *Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Большой Коломне на Покровской площади* (пл. Тургенева). Храм был посвящён в 1812 году, и долгое время существовал в рамках благотворительного центра. В 1932 с приходом советской власти, храм закрыли, а спустя два года снесли [Гусаров 2014, 106]. В настоящее время о храме напоминает название *Покровского сквера*, а также памятный знак на месте снесённой Покровской церкви, заложенный в 2000 году. Итак, экклезионим оставил свой след лишь в другом названии, в том случае – агорониме. Следует также обратить внимание на судьбу другого петербургского онима – *Храма великомученика Димитрия Солунского на Греческой площади*. Церковь принадлежала греческой диаспоре и строилась в византийском стиле в 1861–1865. Здание было закрыто в 1939, а во время Великой Отечественной Войны в храм попала немецкая бомба, не взорвав его. В начале 60-х принято решение о сносе церкви и постройке на этом месте концертного зала. В 1967 был открыт крупнейший концертный зал Петербурга, который назвали *Октябрьским*

[Гусаров 2014, 197]. В настоящее время о Греческой церкви и диаспоре напоминают лишь агороним — *Греческая площадь* и стих Иосифа Бродского «Остановка в пустыне». Пример Греческой церкви показывает, что советская власть стремилась вполне стереть названия духовных святынь из сознания советского общества, а своё отношение к православию подчеркнули прилагательным «октябрьский» в имени нового концертного зала, построенного на месте храма. Названия бывших храмов существуют лишь в сознании жителей города.

В ономастиконе Санкт-Петербурга находим следы других диаспор, существовавших на этом месте. В качестве примеров можно привести онимы *Английскую набережную* или *Старообрядческую улицу*. Истоки первого названия относятся к английским купцам, поселившимся в городе в связи с торговыми отношениями. Здесь до 1919 года существовала также Англиканская церковь Иисуса Христа. Набережная несколько раз меняла своё название, но с 1994 года на карте города находим её первоначальную форму [Горбачевич, Хабло 1998, 19–20]. Второе название касается Громовского старообрядческого кладбища, расположенного в Московском районе Петербурга. Как можно прочесть в путеводителе по Санкт-Петербургу годоним *Старообрядческая улица* непосредственно связан с расположением вблизи кладбища [Кобак, Лурье 1993, 424–429].

Примером годонима, являющегося палимпсестом, может считаться *Введенский канал*, который напоминает о разрушенном Соборе Введения во храм Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Семёновского полка. Этот экклезионим стал мотивацией для неофициального названия района *Семенцы*, ограниченного Забалканским проспектом, Обводным каналом, Загородным проспектом и Введенским каналом. На карте Петербурга находим и другие онимы, относящиеся к Введению. В Петроградском районе размещена *Введенская улица*, напоминающая о Храме Введения во храм Пресвятой Богородицы, снесённом в 1932 году. Сегодня на этом месте разбит Пушкарский сад, неофициально называемый *Введенским сквером*. В том же самом районе города находим хремотоним-палимпсест — *Введенский отель*.

В ономастиконе Петербурга наблюдаем ещё урбанонимы, мотивированные агонимами. В качестве примера приведём онимы *Матвеевский сад* (официальное название Калининский сад) и *Матвеевский переулок*, напоминающие об упразднённом Соборе апостола Матфия и Покрова Пресвятой Богородицы. Следующими урбанонимами этого типа являются *Митрофаньевское шоссе*, *Малая Митрофаньевская улица*, *Митрофаньевский тупик*, а также *Митрофаньевский мост*. Все эти названия относятся к разрушенному Храму св. Митрофана Воронежского на Митрофаньевском кладбище. Возникновение некрополя связано с эпидемией холеры, разразившейся в Петербурге летом 1831 года.

В контексте упразднённых храмов Санкт-Петербурга нельзя не упомянуть Храм Успения Пресвятой Богородицы на Сенной площади, известный также под названием *Спас-на-Сенной*. Церковь строилась в начале XVIII века на Сенной Площади. После революции храм закрыли, а в 1961 взорвали в связи с постройкой станции метро. Этот экклезионим просуществовал до наших дней в следующих

онимах-палимпсестах: *Спасский остров, Спасский переулок, станция метро «Спаская»*.

Заключение

В современном ономастиконе Санкт-Петербурга можем найти официальные и неофициальные онимы-палимпсесты, мотивированные именами собственными, которые исчезли из карты города. Они могут выступать как урбанонимы, в том числе годонимы, агоронимы или хрематонимы. В работе мы привели ряд примеров, относящихся к православным экклезионимам. В ходе нашего исследования оказалось, что онимы-палимпсесты устойчиво вписались в городской именослов. Многие улицы берут своё название от агионимов или хрононимов. Часто бывает, что на месте старого храма нет никакой информации о предыдущем артефакте или сооружении. В таком случае оним-палимпсест является единственным свидетелем прошлого. Однако в последнее время в России наблюдается повышенный спрос к восстановлению предыдущих храмов. На их местах появляются священные камни, кресты или таблицы с информацией. Стоит отметить, что за этим процессом могут наблюдать также ономасты, исследуя мотивацию названий этих объектов.

Город Санкт-Петербург является местом, в котором хорошо видны процессы «стирания» названий. Каждая власть употребляла названия, как инструмент своей политики. Этот процесс затронул как название самого города, а так и храмов, и объектов вокруг них, к примеру, площадей, и улиц, так как все элементы религиозного культа были недопустимыми при советской власти. Масштаб войны с РПЦ в Санкт-Петербурге кажется огромным, достаточно привести слова Андрея Гусарова: «Архитектура Санкт-Петербурга сильно пострадала от гонения на церковь. Город лишился ценнейших памятников архитектуры, уникальных построек, многих высотных доминант. Всего с 1917 по 1991 год в Северной столице была снесена 151 церковь, а у четырнадцати храмов точная дата разрушения пока остаётся невыясненным» [Гусаров 2014, 5].

Настоящая статья может быть исходной точкой для дальнейшего исследования урбанонимов, в том числе онимов-палимпсестов. Было бы обоснованно проанализировать экклезионимы, относящиеся не только к православным храмам, но также к местам культа других конфессий, названия улиц и площадей. Исследования следует расширить на другие города России, а также страны бывшего социалистического блока. Такой анализ мог бы показать различия и сходства в политике десоветизации топонимии в разных городах и странах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Басик 2018 – Басик С. Н. Имя и место: топонимический палимпсест в геокультурном пространстве // Современные проблемы территориального развития: электронный журнал. 2018. № 3. ID 51.

- Горбачевич, Хабло 1998 – *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, 1998.
- Гусаров 2014 – *Гусаров А. Ю.* Утраченные храмы Петербурга. Санкт-Петербург, 2014.
- Демьянов, Рыженко 2017 – *Демьянов К. В., Рыженко В. Г.* Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 153–160.
- Денисов 2012 – *Денисов И. Н.* Город-герой Ленинград: история превращения в Санкт-Петербург // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2012. С. 125–130.
- Кобак, Лурье 1993 – *Кобак А. В., Лурье Л. Я.* Громовское кладбище // Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. Санкт-Петербург, 1993. С. 424–429.
- Лотман, Успенский 1982 – *Успенский А. В., Лотман Ю. М.* Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья / Отв. ред. В. А. Карпушин. Москва, 1982, С. 236–249. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/qFi3d> (дата обращения: 28.02.2022).
- Лукина 2018 – *Лукина О. А.* Экклезионимика как наука: предмет, история, перспективы развития // Учёные Записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2018. Т. 25. С. 143–147.
- Митин 2008 – *Митин И. И.* Место как палимпсест // 60 параллель. 2008. № 4. С. 20–25.
- Митин 2014 – *Митин И. И.* Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты. / Под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону, 2014. С. 147–156.
- Подольская 1988 – *Подольская А. В.* Словарь русской ономастической терминологии. Москва, 1988.
- Поспелов 1993 – *Поспелов Е. М.* Имена городов вчера и сегодня (1917–1992). Москва, 1993.
- Романюк 1992 – *Романюк С. К.* Москва утраты: о разрушениях архитектурных памятников в Москве после 1917 г. Москва, 1992.
- Суперанская 1985 – *Суперанская А. В.* Что такое топонимика? Москва, 1985.
- Терентьев 2015 – *Терентьев Е. А.* Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 2. С. 72–85.
- Хрынкевич-Адамских 2018 – *Хрынкевич-Адамских Б.* О некоторых аспектах проприальной интертекстуализации в свете новейших исследований // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2018. № 41. С. 289–304.
- Hryniewicz-Adamskich 2015 – *Hryniewicz-Adamskich B.* Wschodniosłowiańskie nazwy miejscowe motywowane przez nazwy osobowe i ich funkcje (ujęcie diachroniczne). *Onomastica*. 2015. № 59. P. 241–253.
- Komac 2009 – *Komac B.* Social Memory and Geographical Memory of Natural Disasters. *Acta geographica Slovenica*. № 1 (49). P. 199–226.

Rutkiewicz-Hanczewska 2013 – Rutkiewicz-Hanczewska M. Genologia onimizna. Nazwa własna w płaszczyźnie motywacyjno-komunikacyjnej. Poznań, 2013.

REFERENCES

- Basik 2018 – Basik S. N. Name and Place: Toponymic Palimpsest in geocultural Space. *Modern Problems of Territorial Development*. 2018. 3. ID 51. In Russian.
- Demyanov, Ryzhenko 2017 – Demyanov K. V., Ryzhenko V. G. Ideology, Toponymy, Policy of Memory: about City's Renaming in the USSR. *Herald of Omsk University. Series Historical sciences*. 2017. 4. P. 153–160. In Russian.
- Denisov 2012 – Denisov I. N. The Hero City of Leningrad: the History of Transformation into St. Petersburg. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 2012. P. 125–130. In Russian.
- Gorbachevich, Khablo 1998 – Gorbachevich K. S., Khablo E. P. Why are they named like that? On the origin of the names of streets, squares, islands, rivers and bridges of St. Petersburg. Saint Petersburg, 1998. In Russian.
- Gusarov 2014 – Gusarov A. Y. Lost Churches of St. Petersburg. Saint Petersburg, 2014. In Russian.
- Hryniewicz-Adamskich 2015 – Hryniewicz-Adamskich B. Russian Place Names Motivated by Personal Names and Their Functions (Diachronic Approach). *Onomastica*. 2015. 59. P. 241–253. In Polish.
- Hryniewicz-Adamskich 2018 – Hryniewicz-Adamskich B. On some Aspects of Proprial Intertextualisation in the Light of recent Research. *Studia Rossica Posnaniensia*. 2018. 41. P. 289–304. In Russian.
- Kobak, Lur'e 1993 – Kobak A. V., Lur'e L. Y. Gromovskoye Cemetery. *Historical cemeteries of St. Petersburg: A guidebook*. 1993. P. 424–429. In Russian.
- Komac 2009 – Komac B. Social Memory and Geographical Memory of Natural Disasters. *Acta geographica Slovenica*. 2009. 1 (49). P. 199–226.
- Lotman, Uspenskiy 1996 – Uspenskiy A. V., Lotman Yu. M. Echoes of the Concept of "Moscow – the third Rome" in the Ideology of Peter the Great. The Artistic language of the Middle Ages. Ed. by V. A. Karpushin. Moscow, 1982. P. 236–249. URL: <https://clck.ru/qFi3d>. In Russian.
- Lukina 2018 – Lukina O. A. Ecclesionymics as a Science: Subject, History, Prospects of Development. *Scientists Notes of Educational Institution "Vitebsk State University after P. M. Masherov"*. 2018. Vol. 25. P. 143–147. In Russian.
- Mitin 2008 – Mitin I. I. A Place as a Palimpsest. *60 parallels*. 2008. 4. P. 20–25. In Russian.
- Mitin 2014 – Mitin I. I. Place as a Palimpsest: a Mythogeographical Approach in Cultural Geography. *Phenomenon of culture in Russian social geography: expert opinions, analytics, concepts*. Ed. by A. G. Druzhinina, V. N. Streletskogo. 2014. P. 147–156. In Russian.
- Podolskaya 1988 – Podolskaya A. V. Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow, 1988. In Russian.
- Pospelov 1993 – Pospelov E. M. Names of Cities yesterday and today (1917–1992). Moscow, 1993. In Russian.

- Romanyuk 1992 – Romanyuk S. K. Moscow Losses: about the Destruction of Architectural Monuments in Moscow after 1917. Moscow, 1992. In Russian.
- Rutkiewicz-Hanczewska 2013 – Rutkiewicz-Hanczewska M. Onimic Genology. Proper Name in the Motivational and Communication Ground. Poznań, 2013. In Polish.
- Superanskaya 1985 – Superanskaya A. V. What is toponymy? Moscow, 1985. In Russian.
- Terentev 2015 – Terentev E. A. The Renaming of Soviet Toponyms in St. Petersburg: An Analysis of Public Discussions. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2015. Vol. 18. P. 72–85. In Russian.

Материал поступил в редакцию 10.03.2022
принят к публикации 03.04.2022